

Алексей Фирсов

Переход

18+

Алексей Фирсов

Переход

«Автор»

2026

Фирсов А.

Переход / А. Фирсов — «Автор», 2026

Погибший под Донецком сержант Георгий Седов возродился в теле Георгия Александровича-брата Николая Второго. Сержант, бывший студент истфака знает что делать.....Примечание: черно-белые фото людей, кораблей и городов взяты из сети и улучшены и раскрашены с помощью gemini.

© Фирсов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Переход

Глава

Глава 1

Глава 1

Пролог: Последний бой

Грязь под тяжелыми, пропитанными ледяной водой берцами чавкала с омерзительным, влажным и каким-то утробным звуком. Это была не просто земля — это было вязкое месиво из перепаханной взрывами степи, битого кирпича, ржавого железа и человеческой крови.

Небо над разрушенным поселком висело низко — цвета старого, окислившегося свинца, готовое вот-вот обрушиться на головы измотанных людей колючим мокрым снегом. В неподвижном воздухе стоял густой, едкий запах горелой изоляции, кирпичной пыли, сгоревшего пороха и тротила. Это был привычный, въевшийся в самую кожу, в поры, в легкие аромат современной войны.

Георгий тяжело привалился плечом к осыпающейся стене полуразрушенного коровника. Грудь ходила ходуном, каждый вдох отдавался резкой болью под ребрами — след от недавней контузии. Бронежилет, густо облепленный серой жижей, казался чугунным панцирем, кевларовый шлем безжалостно давил на виски, пульсируя в такт бешеному сердцебиению. Очередной штурм безымянной высоты, не имевшей на штабных картах даже названия, а лишь сухую цифровую отметку, захлебнулся. Связь с ротным пропала минут двадцать назад, рация выдавала лишь глухое, равнодушное шипение белого шума. Из всей его штурмовой группы на ногах остался только он. Саня-пулеметчик остался лежать у разбитого остова БМП, связиста накрыло миной еще на подходе.

— Тридцать... тридцать два... — беззвучно, пересохшими, потрескавшимися губами шевелил Георгий, наощупь пересчитывая оставшиеся в разгрузке магазины. Пальцы, задубевшие от холода и покрытые ссадинами, работали механически. Два полных, один начатый. Плюс одна оборонительная «эргэдэшка». Жить можно. Если вытянуть до сумерек, когда серые тени сольются с черной землей, — можно попытаться ползком отойти к спасительной лесопосадке.

Он был опытным солдатом. За плечами — годы контрактов, пыльные командировки на юг, сотни дней, когда смерть ходила совсем рядом, дыша в затылок кислым смрадом. Он привык к ней. Привык к изматывающей рутине войны, к ее непролазной грязи, вшам, холоду и ледяной, математической жестокости, где человеческая жизнь конвертировалась в координаты для артиллерии.

Именно поэтому он услышал этот звук раньше, чем осознал его гибельный смысл.

Высокий, надрывный, почти комариный писк. Звук, который на этой войне боялись больше, чем воя падающих мин или рокота танковых дизелей. Звук, от которого мгновенно холодело внутри и покрывалась мурашками спина даже у самых тертых, седых ветеранов.

FPV-дрон. Камикадзе.

Писк стремительно нарастал, превращаясь в злобное, механическое жужжание рассерженного шершня. Георгий резко вскинул голову, его воспаленный взгляд метнулся по серому, равнодушному небу. Вон он. Маленький черный крестик, стремительно падающий из-за свинцовых туч прямо на его позицию. Оператор по ту сторону экрана, сидящий в теплом блиндаже за километры отсюда, уже увидел одинокую тепловую сигнатуру на своем мониторе и теперь уверенно, легким движением джойстика, вел машину смерти в крутое пике.

Георгий не стал паниковать. Паника на войне убивает быстрее, чем осколки вольфрама. Рефлексы, вбитые на полигонах и в городских боях, сработали на автомате: он вскинул автомат, привычно упирая потертый приклад во впадину плеча, поймал стремительно растущую черную точку в коллиматорный прицел и, плавно выбрав свободный ход спускового крючка, нажал.

Трата-та-та!

Короткая очередь распорола плотный воздух. Мимо. Расстояние сокращалось слишком быстро. Дрон хищно вильнул в сторону, уходя от светящихся трассеров, и продолжил свое смертоносное падение, целясь ровно под бетонный козырек, где укрылся солдат.

«Всё. Приехали. Конечная», — абсолютно спокойно, отстраненно, без единой эмоции констатировал мозг.

Время вдруг потеряло свою привычную скорость. Оно замедлилось, растягиваясь в густую, прозрачную смолу. Георгий видел каждую деталь: как бешено крутятся тонкие пластиковые лопасти дрона, как поблескивает на тусклом свете примотанный синей изоляцией кумулятивный выстрел от РПГ, торчащие проводки детонатора. Он даже успел сделать полшага назад, инстинктивно закрывая лицо рукой в грязной тактической перчатке.

А затем мир просто исчез.

Вспышка. Она была не просто яркой — она была абсолютной. Белый, безжалостный, слепящий свет выжег реальность дотла. Оглушительный грохот не ударил по ушам, он разорвал само пространство, превратив воздух в бетонную стену, летящую прямо в лицо.

Георгий не почувствовал, как раскаленные осколки прошивают кевлар бронжилета и рвут плоть. Он почувствовал только чудовищный, невыносимый удар гигантского молота, который в одно мгновение выбил из легких весь кислород. Боль пришла на долю секунды позже — первобытная, всепоглощающая, стирающая личность до состояния кричащего нерва. Огонь жадно лизнул лицо, в нос ударил густой запах паленого мяса и железа. Его собственного мяса и его собственной крови.

Земля ушла из-под ног. Тело, вдруг лишенное веса, отбросило чудовищной взрывной волной куда-то в непроглядную темноту.

Сознание гасло, как старая вольфрамовая лампочка при резком скачке напряжения в сети. Георгий падал. Это не было падением на груды битого кирпича и арматуры — это было бесконечное, пугающее скольжение в вязкую, ледяную бездну. Гул взрыва стих, сменившись странным, пульсирующим звоном в ушах.

«Значит, вот так оно и бывает... Никакого света в конце тоннеля. Только пустота», — пронеслась последняя, угасающая мысль, прежде чем темнота окончательно сомкнулась над ним.

Боль отступила, оставив лишь чувство тотального, звенящего вакуума.

Но вдруг, сквозь этот абсолютный, мертвый покой, сквозь ледяную толщу небытия пробился звук. Не треск рации, не грохот канонады, не крики раненых.

Это был кашель. Хриплый, надрывный, булькающий кашель, разрывающий грудь. Его кашель.

Смердучий запах сгоревшего тротила и пролитой крови внезапно растворился, словно его смыло невидимой волной. Вместо него ноздри обожгло странным, резким, почти забытым в современном мире ароматом: смесью медицинской камфоры, каких-то горьких трав и чистой, морозной, первозданной хвои.

Где-то очень далеко, словно сквозь толщу темной воды, прозвучал испуганный, дрожащий женский голос: — Боже милостивый! Пресвятая Богородица! Доктора! Зовите Петра Михайловича, Его Высочеству хуже!

Темнота дрогнула. Пошла рябью. И медленно, неохотно начала рассеиваться, уступая место мягкому, золотистому свету.

Глава 2

Пробуждение

Жар. Невыносимый, липкий, изматывающий жар и стойкое чувство, будто грудную клетку туго стянули ржавыми корабельными цепями.

Георгий попытался сделать судорожный вдох, но вместо спасительного воздуха горло мгновенно наполнила булькающая, теплая, солоновато-сладкая жидкость. Он резко дернулся, рефлекторно, как учили при ранениях, пытаясь перевернуться на бок, чтобы не захлебнуться собственной кровью. Веки, казавшиеся свинцовыми, с трудом распахнулись.

Вместо низкого, серого украинского неба, вместо развороченного бетона и искореженной арматуры он увидел над собой... потолок. Белоснежный, высокий потолок, украшенный изящной, филигранной гипсовой лепниной в виде виноградных лоз. В центре висела массивная хрустальная люстра, играющая гранями в лучах солнца.

Новый приступ кашля скрутил его пополам, выгибая спину дугой. Георгий инстинктивно поднес руку ко рту. В ладонь ткнулся не грязный, пропитанный потом и порохом рукав камуфляжа «мох», а тончайший, невесомый батистовый платок, который кто-то заботливо и очень быстро вложил в его дрожащие пальцы. На ослепительно белой ткани стремительно расплылось яркое, пугающе алое пятно.

— Слава Создателю! Очнулись! Доктора, быстрее, ради Христа! — женский голос рядом дрожал от неподдельной паники, смешанной с глубоким облегчением.

Георгий, тяжело дыша через нос, с трудом сфокусировал мутнеющее зрение. Над ним склонилась немолодая женщина. Ее лицо, испещренное мелкой сеточкой морщин, выражало искренний, почти материнский ужас. На ней было строгое, глухое темное платье из плотной шерсти, безукоризненно чистый белый крахмальный воротничок и такой же белый чепец — судя по всему, квалифицированная сиделка или сестра милосердия. В ее выцветших серых глазах стояли крупные слезы.

«Где я? Плен? Медсанбат? Госпиталь в Ростове?» — мысли ворочались тяжело, как мельничные жернова. «Почему она так странно одета? Будто статистка из исторического кино. И запахи... почему пахнет не привычной хлоркой, кварцем и антибиотиками, а этой удушливой камфорой и свежим деревом?»

Он попытался сесть, опершись на локти, но тело отозвалось предательской, унижительной слабостью. Это было... не его тело. Его крепкие мышцы, привыкшие носить тридцать килограммов снаряжения, марш-броски и отдачу пулемета, исчезли, испарились. Вместо них под тончайшей шелковой сорочкой скрывались жалкие, дряблые руки с длинными, тонкими, почти прозрачными аристократическими пальцами, на которых проступала синевя вена.

Тяжелая двустворчатая дверь красного дерева распахнулась, и в просторную, залитую солнцем спальню быстрым, нервным шагом вошел мужчина средних лет. На нем была безукоризненно сшитая суконная тройка серого цвета. На переносице поблескивало золотое пенсне, за стеклами которого прятались умные, но сейчас донельзя встревоженные глаза. В руках он сжимал гладкую деревянную трубку — стетоскоп, инструмент, который Георгий видел разве что на картинках в учебниках истории медицины.

— Ваше Императорское Высочество! — доктор буквально бросился к широкой кровати с резными столбиками, на ходу вытаскивая из жилетного кармана золотые часы на длинной цепочке. — Умоляю вас, лежите! Не делайте резких движений! У вас был тяжелейший криз. Кровохарканье резко усилилось ночью, мы с сиделкой боялись самого худшего... Пульс, позвольте ваш пульс.

Георгий замер, словно парализованный. Мозг, натренированный на войне оценивать тактическую обстановку за доли секунды, начал лихорадочно сопоставлять факты, отбрасывая невозможное.

«Ваше Императорское Высочество». Пенсне на шнурке. Тончайшее батистовое белье. Резной дубовый шкаф у стены. Изразцовый камин, в котором тлеют поленья. Вид за огромным окном — величественные пики гор, поросшие густым кедровым лесом, залитые ярким солнцем. И этот разрывающий грудь кашель с кровью...

Он закрыл глаза. Воспоминания о взрыве дрона были кристально четкими. Он не мог выжить. Там, в развалинах под серой плитой, от него просто не должно было остаться ничего целого, только фрагменты для опознания по ДНК. А теперь он здесь. Живой. Дышит. Но запертый в чужой, слабой, умирающей шкуре.

— Какое сегодня число? — хрипло, едва слышно спросил Георгий. Голос тоже был чужим — высоким, надломленным, лишенным его привычной командирской хрипотцы и властности.

Доктор замер, так и не донеся пальцы до запястья пациента. Он растерянно моргнул. — Ваше Высочество? Вы бредите? Сегодня десятое апреля. Тысяча восемьсот девяносто девятого года. Абастумани.

Пазл сошелся в голове с оглушительным, безжалостным щелчком затвора.

1899 год. Кавказ, Абастумани. Чахотка. Обращение «Ваше Императорское Высочество».

В памяти всплыли пыльные аудитории исторического факультета, монотонный голос профессора Кадина, старые черно-белые фотографии. **Георгий Александрович Романов.** Наследник-цесаревич. Младший брат правящего императора Николая II. Человек-призрак, любимец семьи, который должен тихо, не привлекая лишнего внимания, умереть от туберкулеза легких здесь, в горах Кавказа, буквально через пару месяцев, катаясь на своем трицикле. Умереть, чтобы освободить дорогу к статусу наследника сначала брату Михаилу, а затем — родившемуся Алексею. Освободить дорогу всей той кровавой катастрофе, которая захлестнет Россию в двадцатом веке.

Георгий, будучи студентом, глубоко копал историю конца девятнадцатого века. Профессор Кадин тогда говорил, потирая бородку клинышком: «Прекрасная тема для кандидатской, юноша. Роль личности, которой не суждено было править». Не срослось с кандидатской. Срослась контрактная служба.

И вот теперь он — тот самый обреченный цесаревич.

— Мне нужно встать, — сухо и жестко произнес Георгий, открывая глаза.

— Что вы! Господь с вами, это категорически невозможно! Вы слишком слабы, малейшее напряжение может спровоцировать новый разрыв сосудов в кавернах! — замахал руками лейб-медик, пытаясь удержать пациента за плечи, мягко, но настойчиво вдавливая его в пуховые подушки.

И тут сработал рефлекс. Слепой, инстинктивный рефлекс человека, который не привык, чтобы к нему прикасались без разрешения. Георгий перехватил руку доктора стальной хваткой. Пусть мышцы этого изможденного болезнью тела были слабыми, как у ребенка, но биомеханику, рычаг и правильный угол приложения силы бывший штурмовик знал идеально.

Доктор охнул, побледнел от неожиданной боли в суставе и нелепо осел на колени у кровати, пораженно, снизу вверх глядя на бледного, изможденного юношу. Сиделка в углу тихо ахнула и перекрестилась.

— Я сказал, мне нужно встать, — отдельно, чеканя каждое слово, повторил Георгий. Он выпустил руку лекаря.

В глазах цесаревича не было ни капли прежней болезненной меланхолии, христианского смирения или интеллигентной усталости, к которым так привыкло его окружение. На расте-

рянного доктора смотрел хищник. Жесткий, холодный, много повидавший взгляд человека, смотревшего в пустые глазницы смерти и не отвекшего взора.

Георгий откинул тяжелое, расшитое вензелями шелковое одеяло и спустил босые, пугающе худые ноги на густой ворс персидского ковра. Комната слегка покачнулась, поплыла перед глазами, к горлу подкатила тошнота, но он стиснул зубы и устоял. Игнорируя испуганные охи сиделки, он медленно, цепляясь за спинку кровати, подошел к высокому, в полный рост, зеркалу в тяжелой дубовой раме.

Оттуда на него смотрел незнакомец из учебника истории. Впалые, лихорадочно горящие щеки, заострившийся нос, аккуратная, но редкая каштановая бородка, залегли глубокие темные круги под глазами. Бледная, почти прозрачная кожа, сквозь которую явственно просвечивала паутина вен. Типичный портрет обреченного чахоточного больного, доживающего свои последние дни на морфии и молитвах.

Но глаза... Глаза в зеркале были его собственными. Глаза солдата из двадцать первого века.

Георгий смотрел на свое отражение, и в его голове со скоростью пулеметной ленты пронеслись мысли. Российская империя. 1899 год. «Золотой век», чтоб его. Балы в Зимнем, хруст французской булки, шампанское рекой, юнкера и фрейлины. А на троне — его старший брат Николай. Мягкий, интеллигентный, прекрасно воспитанный человек, идеальный семьянин, который искренне верит в свою божественную миссию самодержца, пока страна на всех парах несется навстречу катастрофе. Георгий слишком хорошо помнил, чем всё это закончится. Он помнил цифры потерь в Русско-японской, помнил позор Мукдена и Цусимы. Помнил кровь на снегу в январе 1905-го. Помнил грязь и вшей окопов Первой мировой, куда империя влезет, не имея ни снарядов, ни нормальной логистики. И главное — он помнил мрачный, сырой подвал Ипатьевского дома. Десять лет. Через десять лет этих утонченных людей с фотографий, их жен, их дочерей, их больного сына — всех поставят к стенке и расстреляют. А потом будут добивать штыками тех, кто не умер сразу.

А элита... Элита сейчас спорит о балеринах, строит дворцы на Лазурном берегу и пишет философские трактаты, абсолютно не понимая, что под их ногами уже заложена и дымится бомба колоссальной социальной ненависти.

Георгий глубоко вдохнул. Он ждал привычной боли, ждал нового приступа разрывающего кашля, но вдруг понял странную вещь: воздух прошел в легкие, пусть со свистом, пусть с хрипом, но прошел. Словно перенос его сознания, его железной, первобытной воли к жизни каким-то непостижимым образом вмешался в физиологию этого измученного организма. То, что было смертельным приговором для изнеженного, опустившего руки аристократа, наткнулось на глухую стену ярости современного солдата. Кровь на платке была реальной, болезнь никуда не делась по мановению волшебной палочки, но паника, слабость и покорность судьбе исчезли.

Он медленно выдохнул через сжатые губы и, преодолевая ломоту в суставах, расправил узкие, сутулые плечи. Позвоночник хрустнул.

— Доктор, — не оборачиваясь, бросил Георгий своему отражению. — Как вас по батюшке? — Петр... Петр Михайлович, Ваше Высочество... — запинаясь, ответил лекарь, поднимаясь с колен и поправляя съехавшее пенсне. — Подойдите сюда, Петр Михайлович. И послушайте мои легкие.

Лейб-медик, все еще потирая ноющее запястье и косясь на цесаревича с откровенным недоумением, неуверенно приблизился. Приложил деревянную трубку к худой спине Великого князя. Послушал. Нахмурился. Переместил трубку ниже. Его брови поползли вверх, а глаза за стеклами пенсне округлились до неприличия.

— Невероятно... — пробормотал он, забыв о субординации. — Ваше Высочество... хрипы... они изменили характер. Дыхание стало жестче, но... но словно появился тонус в брон-

хах. Я никогда не видел ничего подобного в своей практике. Это... это необъяснимо с точки зрения медицины.

— Оставьте медицину в покое, доктор. Это приказ организму выжить, — сухо, без тени улыбки отрезал Георгий. Он развернулся к врачу. — Значит так. Слушайте меня внимательно. С этого дня мы меняем всё. Никаких кровопусканий, никаких пиявок, никаких ваших сладких микстур с опиумом, от которых мутится рассудок.

— Но как же высочайше утвержденный протокол лечения! — всплеснул руками медик, бледнея. — Ваша матушка, Вдовствующая Императрица...

— Протокол меняется прямо сейчас, — голос Георгия звучал тихо, но так, что возражать не хотелось. — Мне нужен белок. Мясо. Говядина, крепкие бульоны, яйца, свежие овощи. Много. Кормить меня часто, но небольшими порциями. Откройте окна настежь, здесь воняет склепом и болезнью. Мне нужен холодный горный воздух. И найдите мне нормальную, удобную одежду. Брюки, сапоги, теплую куртку. А не этот шелковый саван.

Доктор и сиделка стояли как громом пораженные. Великий князь Георгий Александрович всегда славился своей исключительной мягкостью, деликатностью, застенчивостью и полной покорностью судьбе. Он был тихим, угасающим ангелом семьи Романовых. Сейчас же перед ними стоял человек, который отдавал четкие, рубленые приказы тоном боевого офицера.

— Ваше Высочество, вы уверены? — робко попытался возразить Петр Михайлович. — Ваш брат, Государь Император, поручил мне беречь вас...

— Мой брат далеко, в Петербурге, — прервал его Георгий, глядя прямо в глаза врачу. — А я здесь. И с сегодняшнего дня я начинаю жить по своим правилам. Выполнять, Петр Михайлович. А вам, сударыня, — он кивнул сиделке, — принести мне карту Кавказа, письменный прибор и стакан чистой воды. Свободны.

Когда за растерянным персоналом тихо закрылась дверь, Георгий подошел к открытому окну. Резкий порыв холодного, пропитанного хвоей ветра ударил в лицо, заставив поежиться. Внизу, в ущелье, шумела горная река.

Он смотрел на величественные горы, возвышающиеся над Абастумани. Слабое, больное тело. Высокий, обязывающий ко многому титул. Огромная, неповоротливая Империя, неумолимо сползающая в кровавую мясорубку двадцатого века. И всего пять лет до первой серьезной войны.

Георгий устало потер переносицу. Никакого пафоса. Никаких иллюзий о том, что он в одиночку повернет колесо истории. В прошлой жизни ему приходилось брать укрепленные опорные пункты с меньшими ресурсами, но там хотя бы всё было просто: вот свои, вот враги. Здесь врагом была сама инерция времени.

«Ну что ж, Ваше Императорское Высочество, — подумал он, чувствуя, как холодный воздух заполняет больные легкие. — Будем знакомы. Для начала нам нужно просто пережить этот месяц. А потом посмотрим, сможем ли мы вытащить эту страну из того болота, в которое она уже наполовину залезла».

Глава 3

Агаман на «Трещотке»

Три дня Георгий провел в строгом, добровольном заточении в своих покоях. Ему была жизненно необходима эта пауза. Время, чтобы свыкнуться с новым телом, заново научиться дышать без спазмов, но главное — время для сбора информации. Он затребовал у перепуганной прислуги подшивки столичных газет за последний месяц: «Новое время», «Правительственный вестник», «Московские ведомости». Шурша плотными, пахнущими типографской краской страницами, бывший штурмовик погружался в реальность апреля 1899 года.

Новости заставляли его кривить губы в горькой, саркастичной усмешке. В Гааге по инициативе его брата, императора Николая II, готовилась первая мирная конференция по разоружению. В Петербурге бунтовали студенты, полиция разгоняла их нагайками. Министр финансов Сергей Витте рапортовал о небывалом росте золотого запаса и бурном строительстве Транссибирской магистрали. А в салонах обсуждали новые театральные премьеры и скандалы в благородных семействах.

Российская империя на рубеже веков напоминала Георгию гигантский, роскошно украшенный бронепоезд, который на всех парах, с воем гудков и музыкой в вагонах-ресторанах, летел к разрушенному мосту. И никто, кроме него, не видел обрыва.

Он подолгу стоял у огромного окна, глядя на поросшие изумрудной хвоей кавказские склоны, и размышлял о семье, в которой оказался. Романовы. Блистательная династия, пораженная вирусом оторванности от реальности. Брат Ники — мягкий, деликатный, прекрасный семьянин, который будет до последнего цепляться за догму самодержавия, пока эта догма не раздавит и его самого, и его детей в сыром подвале Ипатьевского дома. Мать, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, урожденная датская принцесса Дагмар — женщина с железной, несгибаемой волей, привыкшая диктовать свою волю министрам и сыновьям. Она держит весь двор в ежовых рукавицах, но ее политическая слепота не уступает упрямству.

А кто же он сам? Георгий Александрович. Наследник-цесаревич. Запасной игрок, которого империя списала со счетов. «Цесаревич... — Георгий покатал это слово на языке. — Напоминает цесарку. Птицу такую, домашнюю, глупую и вкусную, которую заботливо растят в золоченой клетке исключительно на убой». С ним носились, его жалели, его лечили, но втайне все — от министров до родственников — просто ждали, когда он освободит место.

Но он не собирался умирать. За эти три дня он нашел в архивах памяти своего предшественника кое-что удивительное. Оказалось, что прежний, меланхоличный и угасающий Георгий имел одну тайную, снедающую его страсть, совершенно не вязавшуюся с образом хрустального больного. Он обожал технику. Точнее — первые, неуклюжие мотор-циклеты. В одном из каменных сараев поместья, под брезентом, подальше от бдительных глаз лейб-медиков и охраны, скрывалось его сокровище: бензиновый трицикл марки «Де Дион-Бутон». Настоящее, рычащее чудо инженерной мысли конца девятнадцатого века, больше похожее на трехколесный велосипед, к которому безумный изобретатель прикрутил двигатель внутреннего сгорания, латунные трубки и кучу непонятных рычагов. Прежний Георгий изредка совершал на этом «чудовище Франкенштейна» дерзкие вылазки, сбегая от удушливой опеки.

Сегодня Георгий решил, что время изоляции вышло. Ему было необходимо вырваться из пропахших камфорой стен, почувствовать встречный ветер и проветрить голову. Но едва он вышел в коридор, как столкнулся с первыми прутьями своей золотой клетки.

— Куда изволисте отправиться, Ваше Императорское Высочество? — путь ему преградил камердинер Василий. Это был пожилой, грузный мужчина с роскошными, седеющими бакен-

бардами в стиле Александра Второго. На его лице, испещренном морщинами многолетней преданности, читалась искренняя, почти отеческая тревога.

— Освежиться, Василий. Прикажи подать... — Георгий едва не ляпнул привычное «машину», но вовремя осекся, вспомнив лексикон эпохи. — Прикажи выкатить мой моторцикл к заднему крыльцу. И никому ни слова. Это приказ.

Лицо старого слуги мгновенно побледнело, бакенбарды мелко затряслись. — Но, Ваше Высочество! Помилосердствуйте! Доктора строжайше запретили! А приказы Государя Императора и Ее Величества Вдовствующей Императрицы? Если в Петербурге узнают, что я допустил вас к этой дьявольской, чадающей повозке... Меня же под суд, а вас — в постель на месяц!

Георгий не стал спорить. Он просто сделал шаг вперед, вплотную приблизившись к камердинеру, и посмотрел ему в глаза. В этом взгляде не было ни капризности избалованного принца, ни мольбы больного юноши. Это был тяжелый, сканирующий, свинцовый взгляд человека, который отдавал приказы под пулями. Взгляд, ломающий чужую волю об колено.

— Я — Цесаревич, Василий, — тихо, но с металлической угрозой в голосе произнес Георгий. — И я не прошу. Я приказываю. Если ты предан мне — ты сделаешь то, что сказано. А докторам скажешь, что я сплю и велел меня не беспокоить. Выполнять. Немедленно.

Камердинер сглотнул, пораженный этой страшной, непонятной переменной в мягком Наследнике. Он низко поклонился, пряча испуганные глаза, и, бормоча молитвы, посеменил по коридору.

Георгий вернулся в спальню. Ехать в горы в тонкой шелковой рубашке значило бы обречь этот еще слабый организм на верное воспаление легких. Он распахнул огромный дубовый шкаф. Среди парадных мундиров, расшитых золотым шитьем, и изящных фраков он с трудом отыскал то, что нужно: плотные суконные брюки для верховой езды, тяжелую, подбитую мехом кожаную куртку, высокие сапоги и авиаторские очки. Переодевшись, он почувствовал себя увереннее. Тяжесть одежды успокаивала, напоминая привычный вес экипировки.

На заднем мощном крыльце, окутанный облаком сизого, едкого дыма сгоревшего лигроина, его ждал трицикл. Агрегат лихорадочно сотрясался всем своим железным нутром, издавая звуки, похожие на неровные пулеметные очереди. У рогатого руля, смущенно переминаясь с ноги на ногу и придерживая скакуна, стоял молодой казак из личного конвоя. На нем была безупречная синяя черкеска, серебряный газыри тускло поблескивали в лучах утреннего солнца.

— Ваше Высочество, — казак виновато посмотрел на Георгия из-под лохматой папахи. Лицо у него было открытое, скуластое, с легким румянцем и живыми, умными глазами. — Я... осмелился завести его. Тяжело идет, зараза французская. Искра пропадает.

Георгий усмехнулся одними губами. Он подошел к машине, положил руку на вибрирующее холодное седло и легко перекинул ногу. Хватка на металлических рукоятках была уверенной. Конечно, этот антикварный примитив не шел ни в какое сравнение с современными армейскими квадроциклами, но принципы механики были вечны: искра, топливо, баланс.

— Спасибо, казак. Как звать? — спросил Георгий, натягивая кожаные перчатки. — Степан Котов, урядник лейб-гвардии Атаманского полка, Ваше Императорское Высочество! — казак мгновенно вытянулся во фрунт, поедая начальство преданным взглядом. — Запомню, Степан. А теперь — встань у ворот и никого сюда не пускай. Головой отвечаешь.

Георгий крутанул латунную рукоятку опережения зажигания. Двигатель возмущенно чихнул, выплюнул клуб черного дыма и, взревев, рванул с места. Охрана у чугунных ворот поместья, ошарашенная диким зрелищем — Цесаревич Российской Империи верхом на грохочущем, дымящемся чудовище, — даже не успела поднять винтовки в караул. Путь на Зекарский перевал был свободен.

Дорога оказалась суровым испытанием. Это был узкий, змеящийся серпантин, покрытый размокшей глиной, острым щебнем и промоинами от весенних ручьев. Трицикл натужно ревел на крутых подъемах, его узкие, лысые шины то и дело проскальзывали над бездной, швыряя

комья грязи во все стороны. Но Георгий получал от этой безумной тряски дикое, первобытное удовольствие. Ледяной горный ветер бил в лицо, обжигая щеки. Запах выхлопных газов смешивался с дурманящим, чистым ароматом вековых сосен и талого снега. Грудь вздымалась, легкие, которые еще три дня назад харкали кровью, сейчас жадно, с жадностью голодающего, глотали разреженный кислород. Это была свобода. Настоящая, физически ощутимая свобода в этом чужом, застывшем во времени мире.

Наконец, крутой подъем закончился. Георгий выехал на широкое плато Зекарского перевала и сбросил газ. Двигатель поперхнулся и затих, лишь металл тихо потрескивал, остывая на морозе. На горы мгновенно опустилась звенящая, хрустальная тишина, нарушаемая лишь криком одинокого орла, парящего в недостижимой выси.

Георгий слез с трицикла, стянул очки и подошел к краю обрыва. Вид был грандиозным, подавляющим своим величием. Исполинские, изрезанные ветрами пики Кавказа, увенчанные седыми ледниками, уходили к самому горизонту, сливаясь с пронзительно синим небом. Глубоко внизу, в ущелье, словно небрежно брошенная горсть игрушечных домиков, лежал Абастумани. Чуть выше по склону виднелись леса строящейся астрономической обсерватории.

Природа здесь дышала вечностью, но мысли Георгия были предельно прагматичны и холодны. Ветер трепал полы его кожаной куртки, а он, прищурившись, смотрел на эту бескрайнюю землю и просчитывал варианты.

«Уехать, сбежать? — думал он, опираясь на холодный руль машины. — Сесть на поезд до Батума, оттуда пароходом в Европу? В Париж или Лондон?» Он саркастично хмыкнул. Бегство — иллюзия. Его найдут через сутки. Телеграф работает исправно. Но дело было даже не в жандармах. Дело было в ресурсах.

Георгий вдруг остро, до физической боли осознал свою главную слабость. У него нет ни копейки денег. Карманных сумм Наследнику не полагается. Каждую его рубашку, каждый бифштекс, каждую каплю бензина для этого трицикла оплачивает Министерство Императорского Двора. Все его счета контролирует лично граф Фредерикс и матушка-императрица. Попросить подаяния на билет до Европы? «Господа, подайте безденежному Великому Князю»? Абсурд. Если он сбежит — он станет никем. Бродягой без паспорта с лицом с рублевой монеты.

Значит, играть придется здесь. На этом поле. И по своим правилам. Ему нужна была не призрачная свобода от статуса, а реальная свобода действий. Ему нужен был фундамент. Свой собственный, независимый ни от Витте, ни от казначейства ресурс. Свое золото, своя разведка, свои штыки. Своя, выражаясь языком его прошлой жизни, «черная касса».

Георгий снова обвел взглядом горизонт. Где-то там, за хребтами, черным золотом фонтанировали нефтяные вышки Баку, где сколачивали свои миллионы Нобели и Ротшильды. Где-то далеко на севере, в промерзлой земле Сибири, лежали нетронутые золотые жилы. Там были деньги. Там была кровь экономики, которую нужно было заставить течь в правильное русло.

Но деньги — это еще не всё. Нужна сила. Армия.

«Степан Котов, урядник лейб-гвардии Атаманского полка, — пронеслось в голове Георгия. Он вспомнил преданный, дисциплинированный взгляд молодого казака. — Атаманский полк... Стоп».

Георгий выпрямился, пораженный внезапной, ослепительно простой мыслью. Цесаревич. Наследник престола по традиции носит не только этот пустой, декоративный титул. С момента рождения он является Августейшим Атаманом всех казачьих войск Российской Империи. Всех казаков. Донских, Кубанских, Терских, Сибирских. Это сотни тысяч превосходно обученных, вооруженных, скованных железной дисциплиной и традициями воинов. Воинов, которые присягали лично ему. У него уже есть армия. Ему не нужно ее создавать — ему нужно просто забрать ее из рук замшелых генералов и подчинить себе. Сделать из нее инструмент хирургического вмешательства в судьбу страны.

Он надел очки и решительно подошел к трициклу. Лицо его было спокойно и непроницаемо, как литая маска.

Георгий развернул тяжелую машину в сторону спуска к Абастумани. Пора было возвращаться в свою роскошную палату с лепниной и услужливыми врачами. Но он возвращался туда не как обреченный пациент и не как безвольный принц. Он возвращался как человек, который понял механику предстоящей войны. И эта война начнется не в окопах Маньчжурии, а в тишине дворцовых кабинетов.

Он с силой нажал на рычаг. Мотор взревел, разорвав горную тишину, и трицикл покати́лся вниз, навстречу двадцатому веку.

Глава 4

Призраки «Памяти Азова»

Глава 4

Призраки «Памяти Азова»

Георгий проснулся рано, когда ночь еще не сдала своих позиций, но в воздухе уже разлилось то неуловимое, звенящее напряжение, которое всегда предшествует рассвету. За высоким, с полуциркульным верхом окном только-только начинал сереть горный кавказский рассвет. Острые, как зубья гигантской пилы, вершины гор проступали сквозь лиловую дымку, а воздух в просторной спальне был неподвижен, тяжел и по-утреннему свеж, несмотря на тлеющие в изразцовом камине дубовые поленья.

Первое, что он сделал, открыв глаза, — замер и напряженно прислушался к себе. Это была привычка солдата: проснувшись после контузии или тяжелого боя, первым делом проверить, все ли конечности на месте, не течет ли кровь, работает ли тело.

Вдох. Глубокий, медленный, на полную грудь, растягивая межреберные мышцы. Выдох.

Тишина. Ни сиплых, рвущих горло хрипов. Ни надсадного, жалкого свиста, с которым воздух обычно протискивался сквозь пораженные туберкулезом бронхи. Ни того мерзкого, булькающего ощущения глубоко внутри, от которого хочется согнуться пополам и выкашлять на батистовый платок собственные внутренности. Грудь больше не стягивало холодным железным обручем, а на пересохших губах исчез стойкий, сводящий с ума металлический привкус крови. Болезнь, этот невидимый, терпеливый убийца, пожиривший Наследника российского престола изнутри, словно натолкнулась на непреодолимую преграду — на чужую, выкованную в огне двадцать первого века волю к жизни.

Георгий медленно сел на широкой постели, откинув расшитое вензелями шелковое одеяло, и задумчиво стал разглядывать свои руки в неверном свете уходящей ночи. Тонкие, длинные пальцы пианиста. Слишком бледная, почти прозрачная кожа, сквозь которую просвечивала голубоватая паутина вен. Ни мозолей от спускового крючка, ни вьевшейся ружейной смазки, ни шрамов от осколков. Чужое, слабое, изнеженное тело, доставшееся ему по какой-то нелепой прихоти мироздания.

Где же он подхватил эту заразу, бледную немочь, косившую в девятнадцатом веке и нищих, и королей с одинаковым равнодушием? Георгий потер виски, пытаясь разбудить чужую память. В сырых, продуваемых балтийскими ветрами бесконечных коридорах циклопического Гатчинского дворца, где его отец, император-богатырь Александр III, прятал семью от бомбистов-народовольцев? На сквозняках роскошных петербургских балов, где золотая молодежь кутила до утра, запивая ледяное шампанское горячим кофе? Или чахотка всегда, словно мина замедленного действия, спала в этой пресловутой «голубой крови», ожидая малейшей слабину рафинированного организма?

Георгий с силой растер лицо ладонями, отгоняя остатки сна. Сон был на удивление плотным, тяжелым, перенасыщенным красками и осязаемым до мельчайших, пугающих деталей.

Ему снилось море. Не холодная, свинцовая Балтика, а густо-синее, слепящее ультрамаринном южное море, усыпанное острыми солнечными бликами. Оно пахло солью, водорослями, нагретыми на солнце тиковыми палубами и угольным дымом. И корабли — странные, неуклюжие левиафаны переходной эпохи, детища инженерного компромисса. Огромные черные бронированные туши, над которыми одновременно возвышались и желтые, изрыгающие едкий смог трубы, и высокие, тянущиеся к небу мачты с густой, сложной паутиной такелажа. Эпоха пара уже наступила, но эпоха паруса еще не желала сдаваться.

А потом картинка резко сменилась, словно кто-то переключил слайд в волшебном фонаре. Залитый безжалостным полуденным солнцем южный портовый город, террасами спускающийся к лазурной воде. Узкие, вымощенные истертым камнем улочки, ослепительно белые стены домов, укрытые бордовой черепицей. Густой, бьющий в нос запах жареной в масле рыбы, чеснока, переспелых лопнувших апельсинов и дешевого вина.

И девушка.

Хохочущая местная девчонка с непокорной копной иссиня-черных кудрей. Гладкая оливковая кожа на открытых плечах, огромные, влажные темные глаза, пухлые губы. В ней было то сбивающее с толку сочетание цветущей юности и откровенной, бьющей через край, первобытной порочности, которой не сыщешь в чопорных фрейлинах Зимнего дворца. У нее были горячие, быстрые, цепкие руки простолюдинки и сладкий вкус терпкого молодого вина на губах. Она смеялась, запрокидывая голову, убегая от него по залитым солнцем ступеням каменной набережной, а он догонял ее. Он помнил, как билось его сердце, помнил пьянящую, звенящую легкость в своем сильном, еще не тронутым тлением болезни теле...

Георгий резко тряхнул головой, сбрасывая наваждение, словно собака — воду.

Стоп.

Он никогда не был в Италии или Греции. Ни в своей прошлой, оборвавшейся под ударом дрона-камикадзе в украинской грязи жизни, ни тем более сейчас, проснувшись в теле чахоточного великого князя. В прошлой жизни он месил пыль сирийских дорог, мерз в окопах под Донецком, глотал песок на полигонах. Но Средиземное море, залитые солнцем набережные, беззаботный смех и хохочущие черноглазые итальянки? Нет. Такого в его сухом, исчерканном штампами личном деле не значилось.

— Это не мои воспоминания, — хрипло, но предельно твердо произнес он вслух, глядя в полумрак комнаты, на золоченые корешки книг в шкафу.

Озарение ударило в голову, как разряд электрического тока, заставив волосы на затылке зашевелиться. Это была память цесаревича. Память мозга, физических нейронов прежнего хозяина этого тела, которые никуда не исчезли после вселения нового разума.

Перед глазами снова, с фотографической четкостью, вспыхнул силуэт корабля из сна. Черный, хищный борт, белоснежные надстройки, три изящные мачты и две громоздкие трубы. Броненосный фрегат «Память Азова».

Ну конечно! Знаменитое Восточное путешествие 1890–1891 годов. Как же он мог забыть курс истории? Они отправились туда вместе со старшим братом, наследником Николаем Александровичем — будущим Николаем II. Шли через Средиземное море, мимо пирамид Египта, через раскаленный Суэцкий канал — в экзотическую Индию, на Цейлон. Это был не боевой поход, а настоящий плавучий дворец, полный скупающей свиты, надменных генералов-воспитателей и золотой молодежи. Демонстрация флага и попытка расширить кругозор будущих правителей Империи.

Именно в том злополучном плавании, где-то в душном, малярийном Бомбее, прежний Георгий подхватил тяжелую лихорадку. Ослабленный морской качкой и непривычным климатом организм дал фатальный сбой, годами дремавший в крови туберкулез пошел в стремительное наступление. Наследника, харкающего кровью, спешно списали на берег и отправили лечиться обратно в Россию, лишив шанса дойти вместе с братом до Японии, где Ники получит саблей по голове от фанатика-городового.

Но до удушливой Индии была Европа. Греция, порт Пирей, австро-венгерский Триест, Неаполь...

Георгий медленно откинулся на пуховые подушки, заложив руки за голову. Он чувствовал, как размеренно, гулко, без пугающих аритмичных сбоев колотится в груди обновленное сердце.

Значит, его сознание, жесткий, прагматичный разум выжившего в мясорубке XXI века профессионального солдата, не выжгло личность изнеженного великого князя без остатка. Физические связи мозга, хранящие весь жизненный опыт, все знания и рефлексy прежнего Георгия, остались целы. Он не просто влез в чужой исторический костюм, как актер на сцене. Он получил полный, неограниченный доступ к «жесткому диску» Наследника Российского престола.

Он прикрыл глаза и попытался осознанно потянуть за эту тонкую ментальную ниточку.

Английский язык... Он лишь подумал об этом, и фразы всплыли в уме мгновенно, легко, с безупречным, рафинированным оксфордским акцентом, который вбивали в великих князей лучшие гувернеры-британцы. Французский... Как родной, даже легче русского, с изящным парижским грассированием.

Затем он мысленно прошелся по Зимнему дворцу. Изумительно. Он «помнил» расположение анфилад, тайных лестниц, помнил, как пахнет мастика на паркете в Георгиевском зале. Он знал сложнейший придворный протокол приветствий, помнил наизусть запутанную паутину родственных связей с половиной монарших дворов Европы. Дядя Вилли в Берлине, бабушка Виктория в Лондоне... Он знал в лицо министров: хитрый, лисий прищур Витте, сухое, напоминающее пергаментный череп лицо обер-прокурора Победоносцева, благообразную седину военного министра Куропаткина.

И эта итальянская девчонка в Триесте, с которой молодой, еще здоровый великий князь успел согрешить в короткой увольнительной на берег, пока строгие дядьки-наставники из свиты отвернулись к буфету с шампанским. Как ее звали? Бьянка? Кармела? А не она ли, ода-рив его горячим поцелуем, передала августейшему юноше палочку Коха, навсегда перечеркнув его судьбу? Впрочем, теперь это не имело никакого значения.

— Спасибо за щедрое наследство, Ваше Императорское Высочество, — криво, одними уголками губ усмехнулся Георгий, обращаясь к призраку прежнего себя, навсегда растворившемуся в его собственном подсознании. — Обещаю, твоя память и твои знания не пропадут даром.

Это открытие меняло всё. Это был даже не козырь — это был джокер в рукаве. Теперь у него был не только безжалостный, кровавый опыт войны будущего, но и идеальная, непроницаемая маскировка для настоящего. Никто — ни врачи, ни охрана, ни министры, ни даже родная мать — не заподозрит в нем чужака, самозванца из другого столетия. Он знал, как именно нужно улыбаться маменьке-императрице Марии Федоровне, чтобы смягчить ее гнев. Знал, как правильно держать десертную вилку на дипломатическом приеме, и на какие политические мозоли нужно давить в непринужденном светском разговоре со свитскими генералами.

Георгий встал с кровати и босиком подошел к окну. Солнце наконец вырвалось из-за горных пиков, заливая комнату ярким, слепящим золотом.

Он смотрел на просыпающийся мир и думал о стране, которая лежала за этими горами. Российская Империя начала двадцатого века. Исполин с глиняными ногами. Внешне — слепящее великолепие, золото эполет, хруст французской булки, балы, шампанское рекой, лучшие в мире писатели и композиторы. А под этим тонким слоем сусального золота — чудовищная, дремучая нищета миллионов крестьян, которых через пару лет начнут сгонять в города, превращая в озлобленный пролетариат. Гнилая, насквозь коррумпированная бюрократия. Бездарные генералы, готовящиеся к войнам прошлого века.

Он стоял у окна в 1899 году. Часы уже тикали. Совсем скоро — нелепая, позорная бойня с Японией. Цусима, где на дно пойдут броненосцы, похожие на его «Память Азова». Потом кровавое воскресенье 1905 года. А потом — катастрофа Первого августа 1914-го, когда этот огромный, неповоротливый корабль империи на полном ходу влетит на рифы мировой войны, чтобы развалиться на куски и утонуть в крови гражданской междоусобицы. Семья Романовых,

его нынешняя семья — эти милые, благовоспитанные люди, слепые к реальности, — будут сметены первыми.

Георгий сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

Болезнь отступила. Знания и память были при нем. Статус Наследника открывал любые двери. Адаптация закончена.

Он обернулся и посмотрел на свое бледное лицо в зеркале. Кого благодарить за эту вторую жизнь? Бога, в которого он на войне то верил, то проклинал? Слепой случай? Всплеск пространственно-временного континуума? Он не знал.

— Неважно, кто сдал мне эти карты, — тихо произнес он, глядя прямо в глаза своему отражению. Взгляд был спокоен и холоден, как сталь штыка. — Важно то, как я их разыграю. Я не спаситель отечества и не святой мученик. Я просто солдат, которому дали приказ удержать высоту. И я ее удержу. Чего бы мне это ни стоило.

Он отвернулся от зеркала и потянулся к звонку, чтобы вызвать камердинера. Пора было начинать свою игру. Настоящую игру, ставкой в которой была судьба одной шестой части суши.

Глава 5

Глава 5

Запах лука и вечности

Абас-Туман встретил их ослепительным, режущим глаза горным солнцем, которое щедро заливало узкое ущелье, выхватывая из утренних теней остроконечные пики Кавказа. Воздух здесь был совершенно особенный — густой, почти осязаемый, до краев настоянный на терпкой хвое многовековых сосен, елей и гигантских пихт, обступавших этот затерянный курорт плотным, непроницаемым изумрудным кольцом.

Георгий шел по тщательно выметенной гравиевой тропе, с наслаждением втягивая этот воздух полными легкими. В нем не было ни капли той удушливой, промозглой, гниlostной петербургской сырости, которая десятилетиями разъедала легкие Романовых, превращая могучих потомков Петра Великого в бледных, харкающих кровью неврастеников. Не было здесь и приморской липкости крымской Ливадии, где воздух казался тяжелым, как мокрый бархат. Местный кислород был сухим, кристально чистым и удивительно легким, с легким морозным покалыванием. Казалось, его можно было не просто вдыхать, а пить большими глотками, как ледяную, ломящую зубы воду из стремительного горного ручья. И с каждым таким вдохом Георгий физически ощущал, как в его обновленном теле, словно в паровозной топке, разгорается пламя жизни. Болезнь отступала, сдавая свои позиции под натиском чудовищной, первобытной воли нового хозяина этого хрупкого тела.

Он шел уверенно, мерно печатая шаг, инстинктивно выбирая оптимальную траекторию, как привык делать это на заминированных тропах Донбасса и Сирии. Спина была прямой, сутулость, свойственная чахоточным больным, исчезла без следа.

Позади, на строго положенной по уставу дистанции ровно в два шага, бесшумно, как рысь, следовал урядник Степан Котов. Молодой казак больше не выглядел испуганным или растерянным. За эти несколько дней он, с поразительной крестьянской сметкой, уловил перемену в своем Августейшем шефе. Если раньше конвойные смотрели на Цесаревича с жалостливым снисхождением, как на обреченного, хрустального мальчика, которого нужно уберечь от лишнего дуновения ветра, то теперь всё изменилось. Котов нутром, животным инстинктом воина почувствовал в Георгии жоака. В новом, резком, лишенном великосветской манерности тоне Наследника, в его тяжелом, немигающем взгляде, в скупых, расчетливых движениях угадывалась скрытая, стальная пружина. И теперь в серых, ясных глазах казака читалась лишь абсолютная, фанатичная готовность выполнить любой приказ — даже если этот приказ будет означать поход на пулеметы.

— Хорошо здесь, Степан, — не оборачиваясь, бросил Георгий, нарушая тишину утреннего леса. Голос его звучал ровно, без одышки. — Высота приличная, больше тысячи метров над уровнем моря. Давление стабильное, влажность умеренная. Идеальный плацдарм для восстановления сил и подготовки к броску.

— Так точно, Ваше Императорское Высочество, — немедленно, с готовностью отозвался Котов, чуть ускоряя шаг, чтобы слышать лучше. Лицо его озарилось почтительной улыбкой, от которой в уголках глаз собрались лучистые морщинки. — Места здесь самые что ни на есть знатные. Благодатные. Кавказ — он, батюшка, силу дает огромную. Только силу эту взять уметь надо, ежели его понимать и не гневить. Горы слабаков не терпят, они их сбрасывают. А вас, Ваше Высочество, гора приняла. Прямо на глазах расцветаете, Господь свидетель!

Георгий усмехнулся одними губами. «Гора приняла». Как же просто всё устроено в головах этих людей. И как сложно всё было на самом деле.

Тропа виляла между исполинскими стволами, уводя их всё выше по склону. Георгий шел и размышлял. Эти утренние прогулки стали для него временем стратегического планирования. Мысли неизбежно возвращались к семье и к той колоссальной, набравшей инерцию машине, которая называлась Российской Империей начала двадцатого века.

Романовы. Блистательная династия, правящая шестой частью суши. Семья, в которой он теперь состоял по праву крови. Георгий анализировал их безжалостно, как анализируют донесения разведки о диспозиции войск противника. Его покойный отец, Император Александр III, прозванный Миротворцем. Могучий мужик с медвежьей хваткой, который гнул подковы и останавливал крушение поезда на своих плечах. Он заморозил Россию. Жестко, безжалостно загнал в ледяной панцирь реакций все те социальные процессы, которые вскипали в Европе. «Россия для русских и по-русски» — хороший лозунг, понятный. Но Александр заморозил болезнь, а не вылечил ее. Он оставил империю в состоянии напряженного покоя, передав этот заминированный ледник своему старшему сыну.

А что же Ники? Брат Николай, нынешний Государь Император. Георгий глубоко вздохнул, вспоминая добрые, водянистые, трагические глаза Николая Второго. Интеллигентный, прекрасно воспитанный, глубоко верующий человек. Идеальный полковник гвардии, великолепный семьянин... и абсолютно катастрофический, некомпетентный политик для той эпохи, в которой он оказался. Николай жил в выдуманной, сусальной России. Он искренне верил в неразрывную, мистическую связь Самодержца и богоносного народа. Он верил, что крестьяне в лаптях безмерно любят своего Царя-батюшку.

«Святая наивность, — с горечью думал Георгий, машинально сбивая стеклом сухую сосновую шишку с тропинки. — Народ любит силу и справедливость. А когда через пять лет в Маньчжурии бездарные генералы положат десятки тысяч мужиков за непонятные интересы лесозаготовительных концессий, этот "богоносный" народ возьмет в руки вилы и топоры. А потом Кровавое воскресенье, когда в этот самый народ начнут палить залпами у Зимнего дворца».

Проблема была не в том, что революционеры были сильны. Проблема заключалась в том, что элита империи была чудовищно слаба и оторвана от реальности. Великие князья, флигель-адъютанты, блестящие гвардейские офицеры, министры в расшитых золотом мундирах — все они жили в уютном, изолированном аквариуме. Они обсуждали достоинства французских актрис, строили виллы на Ривьере, интриговали из-за придворных должностей, совершенно не замечая, что под полом их роскошных дворцов уже заложена гигантская пороховая мина социального неравенства. Крестьянское малоземелье, дикие условия труда на путиловских заводах, коррупция в интендантстве, национальные окраины, готовые полыхнуть при первой искре...

Российская Империя была подобна великолепному, сияющему огнями кораблю «Титаник», который на полном ходу несся в ледяную мглу. А на капитанском мостике стояли приятные, образованные люди, которые спорили о том, какой вальс должен играть оркестр в первом классе.

«Я не могу остановить этот корабль в одиночку, — холодно констатировал Георгий. — Но я могу попытаться вырвать штурвал. Или, по крайней мере, заранее заминировать айсберг».

Тропинка вывела их на небольшую, залитую светом поляну, где среди деревьев притаилась церковь святого благоверного князя Александра Невского. Это был не помпезный столичный собор, давящий своим мраморным великолепием, а скромный, но удивительно изящный деревянный храм. Сложенный из кавказской пихты, украшенный искусной, кружевной резьбой по дереву, он казался естественным продолжением этого древнего леса, словно вырос из земли вместе с соснами. Здесь, в звенящей тишине гор, вдали от интриг двора, Георгий чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее.

Они подошли к резному крыльцу. Котов остался снаружи, вытянувшись в струну у входа, а Георгий снял фуражку и шагнул в прохладную полутьму.

Внутри церкви царил густой, умиротворяющий полумрак, который прорезали лишь тонкие, диагональные лучи золотистого света, падающие из узких, высоких окон. В этих снопах света лениво танцевали мириады пылинок. Пахло так, как пахнет только в старых русских церквях: горьковатым, въедающимся в кожу ладаном, сладковатым топленым воском, сухой древесиной и легкой сыростью. Тишина была такой глубокой, плотной и всепоглощающей, что отчетливо слышалось мягкое потрескивание фитилей у редких свечей, горящих перед ликами святых.

Георгий не спеша прошел по скрипучим половицам к центральному деревянному иконостасу. Его движения были скупыми, лишеными театральной экзальтации. В своей прошлой жизни он не был фанатично верующим человеком, выстаивающим долгие часы на службах. Война быстро выветривает из головы иллюзии о добром дедушке на облаке, который следит за каждой пулей. Но там, в сирийской «зеленке», под разрывами мин и жужжанием смертоносных дронов, убежденных атеистов тоже не наблюдалось. Солдатский опыт приучил его к холодному, прагматичному уважению к тем высшим силам, что стоят за гранью человеческого понимания. Кто-то называл это Богом, кто-то — Судьбой, кто-то — Матрицей. Георгий называл это Высшим Командованием.

Он взял тонкую восковую свечу, поджег ее от лампадки и аккуратно поставил в песочник у храмовой иконы своего небесного покровителя — князя Александра Невского. Замер на мгновение, вглядываясь в потемневший от времени лик.

С иконы на него смотрели не скорбные, всепрощающие глаза мученика, а жесткие, умные, пронизательные глаза воина и государственного мужа. Глаза человека, который когда-то стоял перед невозможным выбором: биться с Западом на Чудском озере и униженно кланяться Востоку в Золотой Орде, чтобы сохранить самое главное — саму суть Руси.

«Ну здравствуй, Тезка, — мысленно, без лишнего пафоса, как офицер к старшему по званию, обратился Георгий к святому князю. — Помоги мне не завалить эту операцию. Времени у меня в обрез. Пять лет до японской бойни, пятнадцать — до мировой мясорубки. Врагов вокруг больше, чем патронов в цинках, а союзников пока — один казак у дверей. Мне нужно перевернуть эту чертову историю с головы на ноги, выломать ее из колеи, ведущей в пропасть. Дай мне ясность ума. Дай мне холодное сердце. И дай мне удачу, ту самую, солдатскую, без которой любые планы генштаба — просто бумага».

Он перекрестился — жест вышел автоматическим, выверенным, память тела прежнего Цесаревича сработала безукоризненно — и негромко прочел короткую молитву, слова которой сами, гладко и без запинки, всплыли со дна подсознания.

Внезапно величественную, намоленную тишину храма нарушил торопливый, тяжелый топот кованых сапог и громкий хлопок открывшейся двери в алтарной части. Из бокового придела, отчаянно путаясь в длинных полах выцветшей рясы, почти выбежал невысокий, весьма плотной комплекции священник — местный настоятель, отец Константин.

Вид у батюшки был в высшей степени комичный и перепуганный. Его густая, с проседью борода была нелепо всклокочена, словно он только что спал лицом в подушку, ряса застегнута не на те пуговицы, а широкое, добродушное лицо густо покраснелось от бега и смущения.

— Ваше... Ваше Императорское Высочество! Батюшка Царевич! Простите великодушно, ради Самого Христа! — запыхавшись, громким шепотом воскликнул священник, с разбегу замирая в глубоком, поясным поклоне, так что едва не коснулся лбом пола. — Не ждал, грешным делом, никак не чаял в столь ранний час! Думал, вы почивать изволите по нездоровью вашему!

Когда отец Константин наконец со стоном выпрямился, до Георгия долетела густая, плотная и совершенно недвусмысленная волна запаха. И это не был тонкий аромат афонского ладана, мирры или благовонных масел. От батюшки, на всю тихую церковь, одуряюще и неве-

роятно вкусно пахло жареным луком. Видимо, внезапное появление высокого гостя прервало весьма основательный, плотный провинциальный обед.

Георгий невольно хмыкнул. Он почувствовал, как напряжение последних дней отпускает его. Столичный князь, пожалуй, презрительно бы скривился от такого вопиющего нарушения храмового благолепия, брезгливо прикрыв нос надушенным платком. Но Георгий был солдатом. А запах жареного лука и горячей еды был для любого солдата запахом жизни, домашнего уюта, мирного тыла, запахом самой земли, ради которой они ложились под пули.

Он опустил глаза, пряча искреннюю улыбку в высокий воротник своего глухого суконного мундира.

— Что, пообедали, отец Константин? — спросил Георгий совершенно спокойно, глядя прямо в испуганные, бегающие глаза священника. — Не помешал я?

Тот от этого простого, лишенного аристократической надменности тона покраснел еще гуще, став похожим на переспелый помидор. Он начал суетливо, дрожащими пальцами опирать тяжелый серебряный крест на груди.

— Искушение, Ваше Императорское Высочество... Каюсь, грешен! Матушка моя, Пелагея Ивановна, сподобилась картошечки с луком да с грибочками поджарить, солеными груздями... Пост ведь на дворе, великий... Виноват, не доглядел за временем, не успел облачиться по форме! Уж не прогневайтесь, Ваше Высочество, не велите казнить!

— Не извиняйтесь, отец Константин, — Георгий ободряюще, по-свойски кивнул священнику. — Запах добрый. Домашний, настоящий. Это хорошо, что матушка о вас заботится. Человеку служащему силы нужны.

Священник замер, моргая. Он явно ожидал громогласного разноса, жалобы Синоду и немедленного снятия с прихода за неуважение к Особе Императорской Фамилии, а вместо этого Наследник престола разговаривал с ним просто, как старший офицер с толковым прапорщиком.

Георгий медленно обвел взглядом потемневшие деревянные своды, скромное, но сделанное с душой убранство церкви. — Послушайте меня внимательно, отче. Помолитесь за меня сегодня на вечерне. Особо помолитесь. Мое исцеление, которое здесь происходит, — это не просто смена климата. Это настоящее чудо Господне. Мне дан второй шанс. И для этого шанса мне потребуется много, очень много сил. Понимаете?

Отец Константин, всё еще источающий вокруг себя сытный луково-грибной дух, часто-часто, с искренней готовностью закивал головой, прижимая руки к груди. В его глазах блеснули слезы. — Всё сделаем, Ваше Высочество! Всю ночь на коленях простою, обет даю! Вся обитель наша, весь Абас-Туман за вас молиться будет! Вы только живите, батюшка Цесаревич, надежда вы наша!

— Вот и славно. Договорились, — Георгий развернулся к выходу, надевая фуражку. Полы его длинной шинели взметнули пыль на паркете. — Котов! За мной. Воздухом надышались, Богу помолились, пора и за земные дела приниматься.

Выходя из прохладной церкви на залитое ослепительным солнцем крыльцо, Георгий снова, полной грудью, вдохнул прозрачный, звенящий горный воздух. Процесс исцеления действительно шел полным ходом, организм работал, как отлаженный часовой механизм. Ноги держали крепко, шаг был пружинистым, а разум — ледяным и ясным, как клинок.

Абас-Туман оказался идеальным местом. Не тихим, роскошным хосписом для умирания последнего великого князя, каким его задумали в Петербурге, а скрытым от посторонних глаз инкубатором для перерождения нового, жесткого лидера. Здесь, вдали от ядовитых столичных сплетен, он мог сформировать свой штаб и подготовить почву.

Ему не нужны были лицемерные петербургские сановники в шелковых цилиндрах, думающие только о своих карьерах. Этот нелепый инцидент в храме почему-то окончательно расставил всё по своим местам в его голове. Запах жареного лука, исходивший от растерянного

провинциального батюшки, простота казака Котова — всё это придало Георгию уверенности в правильности выбранного вектора.

Здесь, в глубинке, в настоящей России, которая пахла землей, потом, луком и лошадьми, люди были проще, прямее и честнее. А значит, именно здесь, опираясь на них — на казаков, на армейских офицеров, на промышленников из купцов, на таких вот священников, — он начнет собирать свою армию. Союзников для грядущей схватки с двадцатым веком нужно искать не на паркетах Зимнего дворца, а на пыльных дорогах Империи. И он их найдет.

Глава 6

Глава 6

Агаманский гамбит

Телеграмма пришла вечером, в тот самый час, когда густые, почти осязаемые тени от гигантских кавказских пихт уже длинными, холодно-синими полосами легли на тщательно выметенные гравиевые дорожки Абастумани. Воздух стремительно остывал, наполняясь терпкой горечью хвои и влажным дыханием близкого ущелья.

Георгий стоял у окна своего кабинета, когда дежурный адъютант, звеня шпорами, несмело переступил порог. В руках офицера, на небольшом серебряном подносе, лежал плотный конверт. Руки молодого поручика едва заметно дрожали — телеграммы из Петербурга, да еще с личным вензелем Вдовствующей Императрицы, редко предвещали спокойную жизнь.

Георгий небрежно взломал тяжелую сургучную печать, развернул плотный лист гербовой бумаги и подошел поближе к свету шипящей керосиновой лампы. Текст был краток, телеграфные строчки выбиты ровно и сухо:

«Радуюсь твоему чудесному исцелению. С нетерпением ждем в Гатчине. Ники шлет самые теплые поздравления. Мама́».

Он перечитал этот куций текст дважды. Бумага тихо хрустнула в его пальцах. «Ждут с нетерпением». За этими скупыми словами скрывалась железная, удушающая хватка. Георгий прекрасно понимал, кто именно стоит за этим посланием. Мама́. Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, урожденная датская принцесса Дагмар. Миниатюрная женщина с пронзительными, холодными глазами, которая после смерти своего мужа, императора-богатыря Александра III, стала истинным, негласным правителем огромной империи. Она крепко держала в своих маленьких ручках в лайковых перчатках и слабовольного старшего сына Ники, и министров, и весь блистательный двор.

Георгий прикрыл глаза, погружаясь в размышления. Семья Романовых... Какая трагическая, ослепленная собственным величием династия. В прошлой жизни он читал о них сухие строчки учебников, видел выцветшие фотографии. Теперь же он чувствовал их кровь в своих венах, помнил запахи их парфюма, слышал их голоса. Они искренне любили Россию, но любили ее как красивую, дорогую вотчину, как фамильное поместье. Они не желали видеть, что на дворе стоит канун двадцатого века — века стали, электричества, пулеметов Максима и массовых идеологий. Империя трещала по швам от социальных противоречий. Крестьяне задыхались от малоземелья, рабочие гнили в бараках при заводах, интеллигенция упивалась бомбистами и террором. А в роскошных залах Зимнего и Гатчины по-прежнему играли вальсы Штрауса и обсуждали, какой полк должен идти первым на параде.

Они ждали в Гатчине выздоровевшего мальчика. Послушного, меланхоличного младшего брата, который покорно вернется в свою золотую клетку, займет положенное место в тени императорского трона, будет мило улыбаться на балах, изредка тихо кашлять в батистовый платок и ни во что не вмешиваться.

«Они еще не знают, — усмехнулся про себя Георгий, комкая телеграмму и бросая ее на стол. — Они не знают, что к ним едет совершенно чужой человек. Человек, знающий истинный, горький вкус пороха, запах горелого человеческого мяса и точную цену их будущих фатальных ошибок. Я не собираюсь стоять в тени и ждать Ипатьевского подвала».

— Собирайся, Василий, — резко, не оборачиваясь, бросил Георгий стоявшему у дверей камердинеру. — Поднимай людей. Выезжаем в Тифлис завтра на рассвете. И прикажи подать мой мундир. Тот, что без орденов, походный.

Началась суета. По коридорам дворца заматались свитские офицеры, застучали кованые сапоги вестовых, захлопали сундуки.

Тифлис встретил кортеж Цесаревича через несколько дней. Город обрушился на Георгия одуряющей смесью красок, звуков и запахов. Древняя столица Кавказа, перекресток цивилизаций, где восточные базары с ароматами специй, жареного мяса и конского помета соседствовали с европейскими бульварами и помпезными казенными зданиями. Колокола православных храмов били торжественный, густой благовест. На вокзальной площади, вытянувшись в струну, стоял парадный строй из сотни кубанских казаков личного конвоя. Их черкески, расшитые серебром газыри и обнаженные шашки сверкали под безжалостным южным солнцем.

Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, генерал-адъютант князь Григорий Сергеевич Голицын, лично встречал Августейшего гостя у перрона. Это был вельможа старой, николаевской закалки — высокий, грузный, с роскошными седыми бакенбардами и грудью, сплошь усыпанной крестами и звездами. Князь явно был готов исполнить роль заботливого дядюшки: он ожидал увидеть бледную, изможденную тень Наследника, которого придется поддерживать под локти при выходе из кареты.

Но Голицын замер, растерянно моргнув, когда дверца экипажа распахнулась, и на брусчатку, отстранив руку услужливого лакея, легко, по-кошачьи пружинисто выпрыгнул подтянутый молодой человек. Лицо Георгия больше не напоминало восковую маску покойника; оно обветрилось, приобрело легкий загар, а глаза... Князь Голицын, прошедший не одну военную кампанию, поехал под этим цепким, тяжелым, пронизывающим насквозь взглядом. Так смотрели люди, привыкшие отдавать приказы под картечью.

— Ваше Императорское Высочество... — Голицын с достоинством склонился в глубоком поклоне, пряча неподдельное изумление за протокольной улыбкой. — Весь Кавказ скорбит о вашем скором отъезде, но ликует о вашем чудесном здравии. Позвольте выразить... Парадный обед в вашу честь уже накрыт в резиденции, лучшие люди города ждут...

— Благодарю вас, князь, но давайте сегодня обойдемся без долгих церемоний, — голос Георгия прозвучал сухо, с металлической, командирской ноткой, отрезая все заготовленные витиеватые речи. — Я признателен Кавказу за гостеприимство, но у меня крайне мало времени. Обед — не более часа. Завтра утром — поезд. Прошу дать соответствующие распоряжения начальнику дороги.

На вечернем приеме Георгий вел себя безупречно, словно играя блестяще заученную роль. Физическая память «прежнего» хозяина тела не подвела: он грассировал по-французски, непринужденно улыбался пышным, усыпанным бриллиантами местным дамам, со знанием дела обсуждал тонкости псовой охоты с седыми генералами. Но за этой светской маской непрерывно работал холодный, расчетливый компьютер аналитика. Георгий сканировал зал. Он вглядывался в лица, ловил интонации, фиксировал подобострастные взгляды и завистливые перешептывания. Он оценивал этих людей не как подданных, а как материал. Кто из них может стать опорой в грядущей буре? Кто — трус и продаст за лишнюю звезду на эполеты? А кто — просто балласт, который придется безжалостно выбросить за борт?

На следующее утро на перроне Тифлисского вокзала шипел паром особый литерный состав. Это был шедевр технической мысли и роскоши — купейные вагоны, украшенные двуглавыми орлами, сверкающие свежим синим лаком, надраенной медью и огромными зеркальными стеклами.

Едва поезд тяжело вздрогнул, лязгнув буферами и, набирая ход, покатился на север, увозя Наследника прочь от гор, Георгий прошел в свой кабинет-салон. Он раздраженно отмахнулся от суетящегося камердинера Василия, который уже нес серебряный поднос с горячим шоколадом и бисквитами.

— Вон, — коротко бросил Георгий. — И позови ко мне урядника Котова. Одного. В коридоре выставить часового, никого не пускать, пока не вызову.

Когда Степан Котов несмело шагнул в салон, он выглядел непривычно потерянным. Одно дело — сопровождать цесаревича на горных тропах Абастумани, быть при деле, на ветру и на

коне, и совсем другое — оказаться в этом дворце на колесах, где стены обиты тисненым лионским шелком, на полу лежат ковры толщиной в палец, а в углах мягко светятся электрические плафоны. Казак снял папаху и замер у двери, боясь лишний раз ступить кованым сапогом на роскошный ковер.

— Садись, Степан. Проходи, не стесняйся, — Георгий указал на массивное кресло, обитое бордовым бархатом, напротив своего стола. — Расслабься. Это не допрос и не смотр. Это разговор.

Котов осторожно, словно кресло было заминировано, присел на самый краешек, нервно поправив тяжелую португую с шашкой.

— Рассказывай мне, Степан. Только не по уставу, не теми гладкими словами, которыми меня генералы кормят, а по совести, — Георгий подался вперед, скрестив руки на столе. — Как на самом деле живет Войско Донское? Как станицы дышат?

Котов слотнул, опустил глаза на свои руки, покрытые ссадинами от поводьев, потом поднял взгляд на Наследника. В глазах Георгия не было высокомерия — только жесткое, требовательное внимание.

— Да как живут, Ваше Императорское Высочество... — урядник тяжело вздохнул, и официозная шелуха начала слетать с него. — Трудно живут, если правду сказать. Земли маловато стало, батюшка. Население в станицах растет, сыновей много, а наделы казачьи всё дробят да делят. Паи мельчают. Казак-то, он ведь к земле намертво привязан, он хлебороб в первую голову. А служба наша — дело государево, почетное, спору нет, святое дело. Но больно разорительное.

Степан потеплел, заговорил быстрее, забывая о роскоши вагона. — Ведь как у нас заведено? Коня строевого сам справь. Да не абы какую клячу, а чтоб комиссию прошел! Шашку, винтовку, седло, мундиры на каждый сезон, шинель — всё за свой кошт покупай. Это ж какие деньжищи нужны! Иной раз отцу приходится последнюю пару волов со двора свести, чтоб сына на службу собрать. А дома хозяйство на ком остается? На бабах да на стариках. Мужики-то в полках. Вот и беднеют станицы. Обида есть, Ваше Высочество. Не бунт, упаси Боже, казак Царю верен до последней капли крови! Но обида на чиновников петербургских, что земли наши под заводы да железные дороги отрезают — имеется.

Георгий слушал предельно внимательно, не перебивая, лишь изредка делая короткие, резкие пометки в маленьком кожаном блокноте. Он знал эту историю. Он знал, чем закончится эта земельная теснота и нищета через два десятилетия. Он знал о страшном, кровавом расказачивании, о директиве Свердлова, о тысячах казаков, зарубленных в оврагах, о сожженных станицах и уничтожении целого сословия. Кавказская и Донская армии станут ядром Белого движения, но будут преданы и раздавлены.

Он задавал Котову точные, бьющие в цель вопросы. О системе снабжения, о настроениях молодежи, о том, что шепчут урядники и вахмистры по вечерам у костров в летних лагерях, кого из атаманов уважают, а кого презирают за казнокрадство. Котов, поначалу запинаящийся, вскоре разошелся вовсю. Он нутром, инстинктом станичника чувствовал — этому необычному Наследнику не нужны красивые, прилизанные рапорты с сургучными печатями. Ему нужна голая, неприглядная правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.